

В.В. Оточкин (Санкт-Петербург)

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ УЧАСТИЯ НИЖНИХ ЧИНОВ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ В ОСНОВНЫХ СРАЖЕНИЯХ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ 1756–1763 ГОДОВ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ как никакая другая дисциплина, оперируя войнами и сражениями, зачастую огромного территориального и численного масштаба, выводит на гребень исторического восприятия государственных деятелей, полководцев, оставляя в тени самих событий непосредственных исполнителей стратегической воли и тактической мысли – командиров полкового, батальонного и ротного (дивизионного и батарейного применительно к артиллерии) звена – офицеров, а также унтер-офицеров и солдат. Но именно от их мужества и храбрости, стойкости в обороне и стремительности и отваги в наступлении, выдержки в условиях походной жизни зависит успех военных действий.

Военно-историческая антропология рассматривает войну как социальное явление с точки зрения ее непосредственных участников, «проливавших на поле брани свою кровь. Ее задача – обращение к личности солдата – непосредственного участника боевых действий в ходе войны – шаг к персонализации его вклада в победу.

Персонализация (от лат. *persona* – личность) – процесс, в результате которого субъект получает идеальную представленность в жизнедеятельности других людей и может выступить в общественной жизни как личность [6].

Сегодня мы становимся свидетелями роста интереса российских историков к «человеческому измерению войны». Они стремятся увидеть войну как «социальную практику» с позиции тех, кто сам воевал, кто перенес ее тяготы и лишения, а историю войны – «в антропологическом и психологическом ракурсах» [9].

Семилетняя война (1756–1763), как и многие войны Российской империи, вызывала и вызывает противоречивые оценки в историографии и в работах современных нам историков.

Сохранилось немало документальных свидетельств об участии нижних чинов русской артиллерии в основных сражениях Семилетней войны: у Егерсдорфа (1757), под Цорндорфом (1758), при Пальциге, у Кунерсдорфа (1759), взятие Берлина (1760) и Кольберга (1761).

Командующие артиллерией докладывали генерал-фельдцейхмейстеру о результатах боевого применения артиллерии в сражениях. Этим донесениям предшествовали доклады командиров частей и подразделений с мест боев после подсчета раненых, убитых и без вести пропавших, о выведенных из строя и уничтоженных неприятельскими снарядами орудиях, о захваченных трофеях. Донесения отправлялись командующими полевой артиллерией Главной армии, Обсервационного корпуса, Бомбардирского корпуса, артиллерией дивизий главнокомандующему русскими войсками.

Главнокомандующие русской армией С.Ф. Апраксин, В.В. Фермор, П.С. Салтыков, А.Б. Бутурлин, а также генерал-фельдцейхмейстер П.И. Шувалов, заботам которого в немалой степени обязано комплектование коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее ВИМАИВиВС), на основании этих рапортов докладывали императрице Елизавете Петровне о действиях артиллерии в сражениях, об отличившихся генералах и офицерах, представляя их к званиям и наградам, поощрениям за личное мужество и героизм, за умелое управление войсками.

Фамилии и имена ряда артиллерийских офицеров – непосредственных участников сражений Семилетней войны 1756–1763 гг. возвращены в поле исторического восприятия этого периода военной истории России [5; 8. С. 437–448].

Нижние чины упоминались в «высочайших» докладах лишь в исключительных случаях. Не имея возможности осуществить возврат на страницы истории имен всех рядовых и сержантов артиллерийского и инженерного ведомства – участников боевых действий, мы покажем лишь отдельные примеры и постараемся выявить общую картину участия и роли нижних чинов артиллерии в тех или иных сражениях Семилетней войны 1756–1763 гг.

Егерсдорф. 19 августа 1757 г.

Из воспоминаний полковника М.А. Муравьева – старшего офицера инженерного корпуса. В докладе о трофеях при взятии Мемеля: 21 знамени, 1 штандарте, ключей от городских ворот, – «за отличие в боевых действиях представляется сержант 4-го гренадерского полка Яков Шрейберк званию прапорщика» [7].

Цорндорф. 14 августа 1758 г.

Из приказа генерал-аншефа В.В. Фермора на подготовку к боевым действиям: «Ежели б кто из солдат дерзнул из дистанции своей выступить или назад податься, указывать, что тут те на месте заколоты будут, чего особливо унтер-офицерам, которые позади фронта места свои иметь будут, наблюдать и уторопленных (робких, боязливых. – *В.О.*) солдат уговаривать и примечать, дабы таким после дела достойный штраф учинить можно было». И далее: «потому ж поставленные между первой и второй линии резервы наблюдать должны таких ретирующих, уговаривая палашами изрубить, и понудить паки в свои места построиться» [10. С. 310–314].

Аналогично вторят этому требования командующего артиллерией генерала К.Б. Бороздина: «чтоб всячески оный высочайший интерес соблюден был под опасением потерянния чести и живота, за доброе ж поведение и ревнительное попечение надеяться высочайшей от ее императорского величества милости и награждения. Сие наставление при артиллерийских командах в собрании всех обер-офицеров прочесть и каждому офицеру, списав, иметь у себя копию и как для себя почасту читать, так и подчиненным своим довольно надтверждать, объявляя уже достоверное известие о слабых силах неприятельских, которые только воюют единым хвостовством и пустым наведением страха чрез беспутную стрельбу свою и иные вымыслы» [2. Д. 1519, Л. 11–15].

Из донесения 23 декабря 1758 г. следовало: потери только в артиллерии Обсервационного корпуса: 14 офицеров убито и ранено, а из числа бомбардиров и гантлангеров из 184 человек осталось налицо 73, из оных 73 – тяжело ранено более 50, а без видимых ран – только 21 человек.

В Цорндорфском сражении в артиллерии Главной армии и в полках Обсервационного корпуса часть орудий была захвачена прусскими войсками: 47 орудий – в полевой артиллерии, 42 орудия – в Обсервационном корпусе. Из них новых орудий: единорогов – 27,

шуваловских «секретных» гаубиц – 17. Это и стало причиной проведенного по приказу генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова расследования, смысл вопросов которого сводился к следующему: артиллеристы оборонялись до последней возможности или сбежали, бросив орудия?

Расследование продолжалось до конца 1758 г., чему свидетельством – рапорта К.Б. Бороздина, П.П. Гольмера П.И. Шувалову о действии русской артиллерии в сражении при Цорндорфе. Отмечая в целом положительное значение действий артиллерии, несмотря на превосходство прусской артиллерии в количестве и качестве орудий, за счет орудий больших калибров, делается детальный разбор действий даже отдельных артиллерийских «партий» и орудийных расчетов. Хотя «иные до последнего издыхания, а протчие до излития крови и крайнего от ран изнеможения стояли и усердно действовали и, конечно б, ни одной щепы орудия не оставили, ежели б имели силу их отвести, чем доказываются на месте баталии смерть их и многие их раны», – писал генерал-майор К. Нотгельфер [1. Д. 1581. Л. 471].

Были допрошены офицеры для выяснения причин утраты орудий, оставления поля боя и потери командования подразделениями. В материалах расследования – ответы офицеров А. Хомутова, М. Хрущова, А. Сумароцкого и др., а также подчиненных им солдат на главные вопросы, интересовавшие главу артиллерии графа П.И. Шувалова. Так, подпоручик Бомбардирского корпуса А. Хомутов, командовавший одной из партий шуваловских «секретных» гаубиц, отвечал следующее: из состоящих под его командой и определенных к орудиям солдат из 10 человек штата гаубицы убит 1 и ранены 7, из них – гантлангер Коняхин; из 8 нижних чинов при единороге 1 убит и ранены 6 [5. С. 284–285]. Когда под единорогом и его ящиками лошади все были убиты, в числе потерь оказались изрубленные канонир и два фузилера. «И в то время служители разбежались врознь, и я, оставшись один, принужден за теми же бегущими людьми искать спасенья», – признался Хомутов. Все же заметим, что артиллеристы покинули поле боя лишь тогда, когда на позициях появилась прусская кавалерия генерала Зейдлица.

Поручик Михаил Хрущов – командир партии шуваловских «секретных» гаубиц, находившихся во время Цорндорфского сражения на фланге Гренадерского полка, первым подвергшегося кавалерийской атаке конницы генерала Зейдлица. Первая атака кавалерии была встречена русскими полками и отбита, но начавшееся наступление русской

пехоты, оставившей артиллерию на прежних позициях, было сломлено второй атакой прусской кавалерии. Русская пехота отступала стремительно, миновав позиции артиллерийских орудий. Хрущов, сколько было возможности, стрелял из своих двух гаубиц, считая, что из одного орудия было выпущено 40 залпов, из другого – 35, после чего ствол одной гаубицы разорвало. У орудий осталось лишь два артиллериста, остальные были убиты, ранены или разбежались, видя стремительно приближающегося противника. Из 18 подчиненных Хрущова один был убит и 15 ранено, т. е. потерян почти весь личный состав. С бомбардиром Степановым и гантлагером Бычковым Хрущев продолжал вести огонь до приближения неприятеля [5. С. 287–288]. Попытки увезти орудие втроем оказались безуспешными. Отвечавшие на вопросы солдаты из команды М. Хрущова подтверждали ответы командира о героизме офицеров и солдат, поэтому, как писал Н.Е. Бранденбург, на него «едва ли может падать тень сомнения».

Вот свидетельство капитана Алексея Лецкого. Когда русские войска отступали, из его орудий было сделано немало выстрелов. Было ранено в команде 6 человек. Одну гаубицу разорвало, и Лецкой распорядился отвезти ее за фронт гантлангеру Яковлеву. Сам он остался у другого орудия и руководил огнем.

Командир одной из шуваловских «секретных» гаубиц штык-юнкер Иван Полозов командовал солдатами при орудии, пока не был тяжело ранен. Впоследствии он скончался от ран. Ранены были и 5 солдат из 8 человек расчета орудия. Оставшись один, гантлангер Максимов был вынужден спастись от нападения прусской конницы [5. С. 290].

Возможно, офицерам ничего и не оставалось делать, как отводить раненых людей и отходить самим, тем не менее «за отлучение во время сражения с места баталии» А. Хомутов, А. Сумароцкий, М. Хрущов понесли наказание, определенное генерал-фельдцейхмейстером П.И. Шуваловым: «употреблять без очереди в партии и командования в течение полугода».

Большие потери в личном составе артиллерия в Цорндорфском сражении понесла еще на начальном этапе. В совокупности со стремительным прохождением своих войск через боевые порядки артиллерии при наступлении и последующим отступлением с оставлением орудий без поддержки и прикрытия пехотных полков это стало причиной утраты шуваловских орудий, часть из которых считалась

«секретными». В этом нет вины артиллерийских офицеров и солдат – они выполнили все, что были обязаны и то, что от них зависело.

В материалы расследования приобщен и допрос гантлангера Козьмы Гнильцова, бывшего в составе партии при Черниговском полку, а затем попавшего вследствие двух ранений в плен. Его рассказ показал, что артиллеристы Бомбардирского корпуса были действительно проникнуты сознанием всей важности сохранения доверенной им тайны и предпринимали все возможное для спасения орудий от неприятеля.

Из рапорта К.Б. Бороздина П.И. Шувалову о сохранении русскими артиллеристами секрета шуваловских гаубиц. 23 апреля 1759 г.: «Пред недавним временем бывший бомбардирского корпуса гантлангер Козьма Гнильцов в Торунь явился, а оттуда прислан ко мне, который объявил, что на бывшей 14 августа 1758 г. баталии, будучи в Черниговском пехотном полку при шуваловской гоубице, двумя пулями ранен, от которых не мог идти и остался в лесу, где неприятелем взят и отведен в Кюстрин, и назывался того полку солдатом, а потом, когда в совершенное здоровье пришел, то от голоду принужден был склониться идти в прусскую службу (с намерением искать удобного случая ко уходу)... и, согласясь с шестью человеками пруссаков и с четырьмя русскими, такими ж солдатами, бежали и явились в цесэрской (австрийской. – *В.О.*) армии к генерал-фельдмаршалу графу Доуну, где пруссаки остались в цесарской службе, а те русские препровождены до русского командования.

О шуваловских гоубицах и о протчей артиллерии объявляет... и хотя де спрашиваны были, не знает ли кто, как и чем те орудии заряжаются, точно никто к тому не явился, да и не было де более, как один бомбардир, а именно Елистрат Ражин и пять гантлангеров, которые взяты также тяжело раненые, токмо все оные заблаговременно, видя, что неминуемо быть в полону, и дабы артиллерийскими признаны не были, будучи только в камзолах, воротники и обшлага у себя оборвали и бросали, и называются и поныне тех полков солдатами, в которых они при гоубицах были, а чтоб об них не знали, что артиллерийские, то как оне, так и протчие солдаты содержат сие в глубочайшем секрете и крепко надеются, что неприятель о том ведать не может. О бомбардире (Ражине. – *В.О.*) объявляет, что от тяжелых ран в Кюстрине остался при смерти и уповает, что он уже и умер... о том он неизвестен».

Гнильцов рассказал и о «приглашении» в прусскую артиллерию: «дабы знающие заряды делать и действовать секретными гоубицами явились, а за то де будет дано награждение триста талеров... только, сколько о том ни старались, однако ж ни одного такого не нашлось» [4. С. 324.]

Рапорт К.Б. Бороздина П.И. Шувалову об отправке артиллерии к армии. Зиюня 1759 г.: «А по прибытии в Познань бывший в полону гантлангер (который по рассмотрению моему как по достоинству, так за поденное бытие и охотное его возвращение к команде произведен бомбардиром) Гнильцов с репортами к вашему сиятельству, без укоснения, отправлен будет» [3. Д. 1015. Л. 570].

В августе 1759 г. П.И. Шувалов подписывает ордер о поощрении артиллеристов за боевую работу при Пальциге, в котором упоминается и Козьма Гнильцов: «бомбардир Гнильцов, бывший прежде в полону у неприятеля, произведен мною ныне в бомбардир-капралы, а приемля во узрение взятые им в бытность в полону в сохранении секрета шуваловских гоубиц, сколько до его знания принадлежит предосторожности, о чем ваше превосходительство (К. Бороздин. – *В.О.*) пред сим обстоятельно репортовали, рекомендовано от меня Канцелярии главной артиллерии и фортификации учинить ему пристойное денежное награждение» [1. Д. 529, Л. 90–94].

Пальциг. 12 июля 1759 г.

12 июля 1759 г. под Пальцигом российская армия, выстояв против трех неприятельских атак, обратив прусскую пехоту в бегство, выиграла сражение, длившееся 5 часов. Мы видим в документах сведения о потерях среди нижних чинов полевой артиллерии, Бомбардирского и Обсервационного корпусов. Из 529 состоявших в списках на день сражения убито, умерло от ран и пропало без вести – 152, ранено – 175 человек. Всего – 327.

16 июля 1759 г. В рапорте К.Б. Бороздина П.И. Шувалову о действии артиллерии в сражении при Пальциге отмечено: «при оном же нельзя более похвалы приписать и о солдатах наших – в каком порядке, и кураже, и послушании всю баталию препроводили, не уступая ни на вершок из мест своих; и когда доходило до мушкетной стрельбы, то весьма храбро и поспешно управлялись и чрезвычайно скоро строились, напусту патронов не употребляли» [3. Д. 1015, Л. 847–849].

В боевых документах артиллерии периода сражения при Пальциге мы видим важный организационный момент того времени: на

офицерские должности к командованию орудиями назначаются унтер-офицеры. Безусловно, это связано с невосполнимыми потерями офицерского состава в ходе боевых действий. Так, в ведомости о результатах боевой работы при партии шуваловских гаубиц записано: сержант Пивоваров командует двумя гаубицами, сержант Кастюрин назначен к командованию тремя орудиями. (В ведомости еще нет имен сержантов.) [З. Д. 1015, Л. 860–861]

Но через несколько недель после сражения под Кунерсдорфом сам К.Б. Бороздин представляет «бомбардирского корпуса сержантов Василья Костюрина и Матвея Пивоварова штык-юнкерами, которые во всю нынешнюю кампанию имели при обеих баталиях в команде своей по партии гаубиц, исправляли вместо офицеров должности свои прилежно и порядочно и тем противу своей братьи заслужили себе особую рекомендацию» [З. Д. 1015, Л. 1001 и об., 1004].

В ордере главнокомандующего русскими войсками генерал-фельдмаршала П.С. Салтыкова от 26 августа 1759 г. командующему артиллерией генерал-поручику К.Б. Бороздину об объявлении наград солдатам и унтер-офицерам, отличившимся в сражении при Пальциге, записано: «повелевается за оказанную при той баталии храбрость солдатства и что безмолвное послушание оною своим офицерам послужило неприятеля совсем разбить и только оною победу одержать, всей на баталии 12 июля бывшей армии, а именно: сержантам, унтер-офицерам, капралам и рядовым, также и нерегулярным третное не в зачет жалованье произвести из числа имеющейся у него наличной контрибуционной суммы, которую на армию отправить велено».

Кунерсдорф. 1 августа 1759 г.

Из реляции П.А. Румянцева главнокомандующему П.С. Салтыкову 19 августа 1759 г.: «От Рязанского конно-гренадерского полка 1 августа будучи на левом фланге армии, усмотря неприятельских эскадронов движение ко атаке во фланг нашей пехоты, полковник Шетнев со своим полком, поскакал во весь галоп ко атаке тех эскадронов», чем сорвал атаку прусской кавалерии. В ходе удара второго эскадрона этого полка во фланг пехоты были захвачены в плен старшие офицеры, солдаты и «одно знамя, которое по срублении во фронте неприятельского прапорщика гренадером Федором Александровым взято» [11].

Своим Указом императрица Елизавета Петровна, отметив главнокомандующему генерал-фельмаршалу П.С. Салтыкову, что вслед за победой под Пальцигом следует новая победа при Кунерсдорфе, наградила участников этих сражений: «В сем рассуждении и в награждение оказанной нашею армиею при сих знаменитых происшествиях непоколебимой верности и ревности всемилостивейше жалуем всей на вышепомянутых двух баталиях бывшей армии, а именно сержантам, унтер-офицерам, капралам и рядовым, полугодное не в зачет жалованье.

Еще в новый и больший знак нашего к армии благоволения объявляем, что все бывшие в нынешних походах и достопамятных сражениях войска ни в какие работы употребляться не станут и по славном в отечество возвращении как достойные и верные рабы во особливом призрении содержаны будут и в знак нашей милости, а их отличных заслуг вскоре медалями от нас пожалуются» [4. С. 752].

]Берлин. Сентябрь 1760 г.

«При взятии Берлина, – докладывал генерал-лейтенант И.И. Глебов, – 1-го артиллерийского полку служителей убито: поручик Андрей Полак, канонир – 1, тяжело ранены: бомбардир – один, канонир – один, гантлангеров – три». Отмечены потери и в приданных командах: убито четверо фузилеров, ранено – трое [4. С. 628– 630].

Взятие крепости Кольберг. Декабрь 1761 г.

В ведомости подполковника И.И. Меллера об участии артиллерии во взятии крепости Кольберг содержатся именные сведения об убитых и раненых. Наряду с раненым артиллерии подпоручиком Милоковым перечислены и рядовые артиллеристы. Отмечено, что убиты фузилеры Михайло Зубарев, Марка Афанасьев, Андрей Иванов, Тимофей Сафонов, умер от ран Василий Озорников и ранены бомбардиры Евдоким Тютерев, Давид Лебедев, Федор Попов, канониры Гаврила Калугин, Василий Рыков, фузилеры Леонтий Егоров, Степан Чирков, Матвей Жирнов, Панкрат Пятков, Петр Егупов, Иван Болдырев, Алексей Киселев, Иван Милоков, Никифор Лучихин, Игнат Дунаев, Нестер Еремеев, Егор Кузнецов, гантлангеры Изот Жуков, Федор Никифоров, Влас Тимофеев, Дмитрий Киселев, Прокофий Арнагулов [3. Д. 1551. Л. 167].

Иногда фамилия солдата или сержанта, упомянутого в донесении или ведомости, обреченная, казалось бы, на забвение в толще томов документов архива, появляется на страницах истории.

Под Кольбергом был тяжело контужен сержант канонирской роты Алексей Базин. После ранения он вернулся на службу. В 1763 г. за храбрость, проявленную в сражениях с пруссаками, Базин был произведен в подпоручики артиллерии, через семь лет – в поручики. Неизвестно, как бы сложилась дальше судьба дворянина из «захудалого рода», если бы не подвиг, который он совершил в сражении при Кагуле.

Базин хладнокровно наблюдал за тем, как толпы русских и турок приближались к его батарее. Он велел зарядить орудия картечью и поднести фитили к запалам. Как только турки оказались на расстоянии верного картечного выстрела (примерно 200 метров), храбрый поручик скомандовал: «Пли!» Грянули выстрелы. Турки остановились. Артиллеристы перезарядили орудия и дали еще один залп. Теперь картечь попала в патронный ящик, и он взорвался прямо перед толпой турок, снова двинувшихся вперед. Взрыв был очень сильным, турки в испуге попятились. Тут на них и бросились в атаку гренадеры.

Алексей Базин одним из первых обер-офицеров в русской артиллерии получил высокую награду – Военный орден св. Георгия Победоносца 4-й степени. В 1773 г. майор Базин сражался под знаменами А.В. Суворова у Шумлы и Козлуджи, а по окончании войны назначен начальником Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории.

Позднее А. Базин подавал в Военную коллегию, в Сенат проекты «Военная лаборатория» и «Пушкарь и бомбардир» (1794) по реорганизации артиллерии. Но везде от него отмахивались как от надоедливоего прожектера: не было уже генерал-фельдцейхмейстера графа П.И. Шувалова... В конце службы А. Базину присвоили звание бригадира и отправили комендантом в Астрахань. Его предложения рассмотрены так никогда и не были, а попали в архивы [12].

Героизм, мужество, самоотверженность, патриотизм, верность воинскому долгу и Отечеству – черты, характерные для нашей российской армии на протяжении ее многолетней истории. Сегодня Министерством обороны России в рамках Федеральной программы патриотического воспитания продолжается работа по выведению из небытия человеческой памяти имен миллионов воинов, павших на полях сражений Великой Отечественной войны: на страницах интернет-сайтов можно найти место захоронения, узнать о представлениях к награждению.

И если фамилии нескольких артиллеристов из числа нижних чинов времен Семилетней войны (1756–1763) обретут свое место на страницах военной истории, а кто-то задумается о поиске корней и истоков своего рода, то задача, поставленная нами, будет частично выполнена.

-
1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. Дела командные. Д. 529, 581.
 2. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. Полковые дела. Д. 1019, 1519, 1559.
 3. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера. Д. 1015, 1068, 1551.
 4. Артиллерия в Семилетней войне 1756–1763 гг. Сборник документов / Сост. З.В. Розебецкая, И.З. Либерзон. Архив ВИМАИВиВС. Ф. Научно-справочный. Оп. 12. Д. 20. 998 с.
 5. Бранденбург Н.Е. Артиллерийские детали Семилетней войны // Артиллерийский журнал. 1998. № 4. С. 277–310.
 6. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко, А.В. Петровский. Ростов-н/Д: Феникс, 1998.
 7. Муравьев М.А. Записки. Публикация Т.Г. Дмитриевой, М.М. Якушкиной и Г.Р. Якушкина. http://syw-cwg.narod.ru/mmr_mur02.html#zrn
 8. Пашута В.Л., Оточкин В.В. Военно-историческая антропология и боевое применение русской артиллерии в сражениях Семилетней войны 1756–1763 гг. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой научно-практической конференции 15–17. 05. 2013. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 437– 448.
 9. Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология – как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. М.: РОССПЭН, 2002.
 10. Семилетняя война. Сборник документов. М.: Воениздат, 1948. С. 310–314.
 11. http://syw-cwg.narod.ru/Kun_R2.html
 12. http://expostart.ru/army08_bom_kan/russkaya_artilleriya_v_srazheniyah_semiletney_voyni.html